

К 90-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Р. М. ГЛИЭРА

СЛОВО О МОЕМ ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

СРЕДИ огромного множества самых различных людей, с которыми столкнула меня жизнь, я не встречала человека такой ненасытной жажды работы, такой неуемной трудоспособности, как Глиэр. Это меня удивило и потрясло с первой же нашей встречи еще в 1918 году в Киеве. Однажды, в снежный и холодный январский день профессор Александра Николаевна Шперлинг, у которой я занималась в консерватории, привела к нам в гости Рейнгольда Морицевича, пообещав ему интересное знакомство с «туркской», как она назвала, музыкой.

— Споешь, Шовнет?
Я очень смутилась, ведь Глиэр был уже тогда известным композитор (автор многих симфонических сочинений, произведений камерной и вокальной музыки, режиссер Киевской консерватории), но пела песню за песней, стараясь изо всех сил раскрыть неповторимую красоту мелодий моего народа. А Рейнгольд Морицевич, набросав на попавшемся под руку клочке бумаги пять линей, записывал вслед за мной особенно понравившиеся ему мелодии, иногда прося повторить какой-то отрывок. Очень поздно ушел тогда композитор, взяв с меня слово полететь ему в следующий четверг. И таких четвергов было немало — Глиэр познакомился с огромным множеством образов азербайджанской народной музыки. Он вскоре обработал и оркестровал для меня все народные песни, входившие в концертный репертуар, и сделал это с тонким вкусом, с глубоким пониманием и ощущением национального мелоса.

— А что, если бы вы на материале азербайджанской музыки написали большое полотно, ну хотя бы оперу, — предложила я робко.

— Ишь, куда замахнулась... — рассмеялся Рейнгольд Морицевич.

Но вскоре после того, как в Азербайджане была установлена Советская власть, я, уже будучи солисткой Бакинского оперного театра, снова в письме задала тот же вопрос Глиэру, и, получив от него положительный

ответ, заговорила об этом в Наркомпросе. И уже в 1923 году Рейнгольд Морицевич получил заказ и приступил к работе над оперой на сюжет легенды об Ашин-Керибе. Он тогда особенно близко подружился с тончайшими знатоками фольклора Курбаном Примовым, Джаббаром Каргды, Бюль-Бюлем, которые вводили его в стихию народной азербайджанской музыки. И мелодии некоторых народных песен, которые я напевала Глиэру, в мастерском, глубоко творческом переосмыслении композитора легли в основу арий Шах-Сенем.

Но в первой постановке на русском языке на сцене Азербайджанского театра мне участвовать не довелось. В ту пору я была в Париже и там, «отмечая премьеру», пела в концертах почти всю партию Шах-Сенем.

Через некоторое время Азербайджанский театр имени М. Ф. Ахун-

дова начал работу над второй редакцией оперы, которую решено было поставить на азербайджанском языке. Из Москвы был снова вызван Глиэр.

На первый взгляд он, малоразговорчивый, хмуро глядящий из-под косматых бровей, производил впечатление человека замкнутого, нелюдимого. Но за этой внешностью таилась душа тонкая, чуткая, исполненная огромной любви к людям, глубокого уважения к ним, стремления прийти на помощь каждому. Помню, как внимателен он был к нам, актерам, нашему настроению, нашим домашним делам.

— Что, неудобно петь? — спрашивал он певца, едва почувствовав напряжение в голосе. — Сейчас что-нибудь придумаем...

И в самом деле, тут же на репетиции (удивительное дело — никакой шум не мешал ему работать!) он уже что-то набрасывал, а потом подзывал

певца и проверял с ним звучание голоса в новом варианте.

Я видела, с каким «удовольствием» трудился с ним и либреттисты, и режиссеры, и художники, и осветители, и гримеры. Рейнгольд Морицевич прислушивался к любому совету. Помнится, какая теснейшая дружба связывала его с Джафаром Джабарлы, который был одним из авторов либретто, как хорошо работал он с постановщиком Адилем Искендеровым (показавшим себя тогда великолепным оперным режиссером, но, к сожалению, больше не выступавшим в этой роли).

Человек кристальной чистоты, никогда не знавший чувства зависти, он умел канто особенно, глубоко и искренне радоваться успехам других, умел вовремя похвалить, вселить веру в свои силы, заставить работать, искать, да и просто обрести хорошее настроение. Потому его так любили те, кто учился у него, — Н. Мясковский, С. Прокофьев (с ним, еще мальчином, занимался Рейнгольд Морицевич, будучи педагогом музыкальной школы Гнесиных), А. Хачатурян, Л. Ревуцкий, Б. Лятошинский, А. Давиденко, А. Новиков, Н. Раков, Н. Иванов-Радневич. Потому его так почитали те, с которыми он сталкивался в работе, потому его забыть не могли даже те, кто провел в его обществе хотя бы один час.

С большим вниманием относился он к композиторам Азербайджана, и они отвечали ему любовью. Узейр Гаджибеков высоко оценил оперу Глиэра «Шах-Сенем», отметил его роль в профессионализации музыкального искусства нашей республики.

Правительство Азербайджанской ССР в своем постановлении от 25 мая 1934 года отметило, что «Шах-Сенем» явилась переломным моментом в развитии азербайджанской оперы и большим достижением музыкальной культуры Советского Азербайджана». Автору оперы тогда было присвоено высокое звание народного артиста Азербайджанской ССР, которое он носил с большой гордостью.

Талантливый художник, вооруженный огромным творческим опытом, музыкант высочайшей культуры, Глиэр был настоящим интернационалистом. Он, не довольствуясь знанием русской культуры, углубленно изучал творчество самых различных народов. Бывая с концертами в Узбекистане, Туркмени, Таджикистане, Казахстане и других республиках, Рейнгольд Морицевич изучал здесь музыкальную культуру. И это было не поверхностное знакомство, а глубинное постижение самого существа национальной музыки. И не случайно после «Шах-Сенем» в творческом списке Глиэра появились оперы «Лейли и Меджнун» (1940 г.) и «Гюльсара» (1949 г.), написанные в сотрудничестве с узбекским композитором Т. Садыновым.

Глиэр никогда не забывал людей, с которыми так или иначе сталкивалась его работа. Его московская квартира всегда была полна людьми из самых различных уголков нашей страны. Да и сам он, даже будучи очень старым человеком, отправлялся в далекие путешествия, чтобы познакомиться с друзьями. Так он часто бывал в Баку, последний раз за несколько месяцев до своей смерти. Дружба азербайджанского театра с композитором продолжалась — на нашей сцене был поставлен его балет «Красный мак».

Я вот говорила, «когда у него появлялось свободное время», но по существу свободного времени у него никогда не было. Ведь даже отдыхая в кругу близких друзей, он неустанно трудился: напряженно работала мысль, а рука нет-нет да чертает на бумаге нотные знаки.

В последние месяцы жизни врачи категорически запрещали ему работать. Но он тайком от родных писал ночью. Июньской ночью 1956 года больной и старый (81 год!), он встал с постели и сел к письменному столу. Здесь он и умер, — великий труженик, композитор Рейнгольд Морицевич Глиэр.

Шовкет МАМЕДОВА,
народная артистка СССР.

Р. М. ГЛИЭР в один из своих приездов в Баку сфотографировался на память с друзьями — Курбаном ПРИМОВЫМ и Шовкет МАМЕДОВОЙ.